

WORLD CLASSICS BOOKS

Владимир
ГИЛЯРОВСКИЙ

Мои скитания

Москва
T8 RUGRAM

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Г47

Гиляровский, В. А.

Г47 Мои скитания / В.А. Гиляровский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 372 с. — (World Classics Books).

История развития литературы — понятие куда более обширное, чем можно предположить, и куда более сложное, чем может вообразить студент-первокурсник филологического факультета. Неизменно всякий выбор «лучших книг» и «обязательных к прочтению» писателей сопровождается беспощадным отсечением жемчужин мысли от одобренной нормы и «золотого стандарта». За бортом остается множество гениев, признанных и непризнанных, и шедевров мировой литературы. Книги серии «World Classics Books» — попытка расширить устоявшееся в умах понятие классических книг и обязательных для образованного человека авторов, предложив читателю произведения, о которых он либо совсем не слышал, либо знаком очень издавна. Однако представленные в серии труды — в некотором роде веховые этапы на сложном пути развития мировой литературы, без которых трудно составить представления о различных жанрах, литературных школах и целых эпохах развития мировой культуры.

На обложке представлена репродукция картины Константина Ивановича Горбатова «Вид на старый город», 1914, частная коллекция.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

Содержание

Глава первая. Детство	5
Глава вторая. В народ	55
Глава третья. В полку	90
Глава четвертая. Зимогоры.	126
Глава пятая. Обреченные	159
Глава шестая. Тюрьма и воля	178
Глава седьмая. Театр	204
Глава восьмая. Турецкая война	242
Глава девятая. Актерство	270
Глава десятая. В москве	296
Глава одиннадцатая. Репортерство	311
Глава двенадцатая. С бурлаком на волге.	360

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО

**Ушкуйник и запорожец. Мать и бабушка. Азбука.
В лесах дремучих. Вологда в 60х годах. Политическая
ссылка. Нигилисты и народники. Губернские власти.
Аристократическое воспитание. Охота на медведя.
Матрос Китаев. Гимназия. Цирк и театр. «Идиот».
Учителя и сальто-мортале.**

Бесконечные дремучие, девственные леса вологодские сливаются на севере с тундрой, берегом Ледовитого океана, на восток, через Уральский хребет, с сибирской тайгой, которой, кажется, и конца края нет, а на западе опять до моря тянутся леса да болота, болота да леса.

И одна главная дорога с юга на север, до Белого моря, до Архангельска — это Северная Двина. Дорога летняя. Зимняя дорога, по которой из Архангельска зимой рыбу возят, шла вдоль Двины, через села и деревни. Народ селился, конечно, ближе к пути, к рекам, а там, дальше, глушь беспросветная да болота непролазные,

диким зверем населенные... Да и народ такой же дикий блудился от рождения до веку в этих лесах... Недаром говорили:

— Вологжане в трех соснах заблудились. И отвечали на это вологжане:

— Всяк заблудится! Сосна от сосны верст со сто, а меж соснами лесок строевой.

Родился я в лесном хуторе за Кубенским озером, и часть детства своего провел в дремучих домшинских лесах, где по волокам да болотам непроходимым — медведи пешком ходят, а волки стаями волочатся.

В Домшине пробегала через леса дремучие быстрая речонка Тошня, а за ней, среди вековых лесов, болота. А за этими болотами скиты раскольничьи (люди древнего благочестия — звали они себя.), куда доступ был только зимой, по тайным нарубкам на деревьях, которые чужому и не приметить, а летом на шестах пробираться приходилось, да и то в знакомых местах, а то попадешь в болотное окно, сразу провалишься — и конец. А то чуть с кочки оступишься — тина засосет, не выпустит сверху человека и затаяет.

На шестах пробирались. Подойдешь к болоту в сопровождении своего, знакомого человека, а он откуда-то из-под корней шесты трехсаженные несет.

Возьмешь два шеста, просунешь по пути следования по болоту один шест, а потом параллельно ему, на аршин расстояния — другой, станешь на четвереньки — ногами на одном месте, а руками на другом — и ползешь

боком вперед, передвигаешь ноги по одному шесту и руки иногда по локоть в воде, по другому. Дойдешь до конца шестов — на одном стоишь, а другой вперед двигаешь. И это был единственный путь в раскольничьи скиты, где уж очень хорошими пряниками горячими с соевым медом угощала меня мать Манефа.

Разбросаны эти скиты были за болотами на высоких местах, красной сосной поросших. Когда они появились, никто и не помнил, а старики и старухи были в них здесь родившиеся и никуда больше не ходившие... В белых рубахах, в лаптях. Волосы подстрижены спереди челкой, а на затылке круглые проплешины до кожи выстрижены — «гуменышко» называли они это стриженное место. Бороды у них косматые, никогда их ножницы не касались, и ногти на ногах и руках черные да закорузлые, вокруг пальцев закрученные, отроду не стриглись.

А потому, что они веровали, что рай находится на высокой горе, и после смерти надо карабкаться вверх, чтобы до него добраться, — а тут ногти-то и будут нужны (легенды искания рая с 12го века). Так все веровали и никто не стриг ногтей.

Чистота в избах была удивительная. Освещение — лучина в светце. По вечерам женщины сидят на лавках, прядут «куделю» и поют духовные стихи. Посуда своей работы, деревянная и глиняная. Но чашка и ложка были у каждого своя, и, если кто-нибудь посторонний, не их веры, поел из чашки или попил от ковши, то она считалась поганой, «обмирщенной», и пряталась отдельно.

Я раза три был у матери Манефы — ее сын Трефилий Спиридоньевич был другом моего «дядьки», беглого матроса, старика Китаева, который и водил меня в этот скит...

— Смотаемся в поморский волок, — скажет, бывало, он мне, и я радовался.

Волок — другого слова у древних раскольников для леса не было. Лес они называли бревна да доски.

Да и вообще в те времена и крестьяне так говорили. Бывало, спросишь:

— Далеко ли до Ватланова.

— Волок, да волок — да Ватланово.

— Волок, да волок, да Вологда.

Это значит, надо пройти лес, потом поле и деревушку, а за ней опять лес, опять волок.

Откуда это слово — а это слово самое что ни есть древнее. В древней Руси назывались так сухие пути, соединяющие две водные системы, где товары, а иногда и лодки перевозили от реки до реки...

Но в Вологодской губернии тогда каждый лес звался волоком. Да и верно: взять хоть поморский этот скит, куда ни на какой телеге не проедешь, а через болота всякий груз приходилось на себе волочь или на волокушах — нечто вроде саней, без полозьев, из мелких деревьев. Нарубят, свяжут за комли, а на верхушки, которые не затонут, груз кладут. Вот это и волок.

— Не бегай в волок, волк в волоке, — говорят ребятишкам.

Вологда. Корень этого слова, думаю, волок и только волок.

Вологда существовала еще до основания Москвы — это известно по истории. Она была основана выходцами из Новгорода. А почему названа Вологда — рисуется мне так:

Было на месте настоящего города тогда поселеньице, где жили новгородцы, которое, может быть, и названия не имело. И вернулся непроходимыми лесами оттуда в Новгород какой-нибудь поселенец и рассказывает, как туда добраться.

— Волок да волок, волок да волок, а там и жилье. И невольно остается в памяти слушающего музыка слов, и безымянное жилье стало: — Вологда.

— Волок да волок...

* * *

Родился я в глухих Сямских лесах Вологодской губернии, где отец после окончания курса семинарии был помощником управляющего лесным имением графа Олсуфьева, а управляющим был черноморский казак Петро Иванович Усатый, в 40-х годах променявший кубанские плавни на леса севера и одновременно фамилию Усатый на Мусатов, так, по крайней мере, адресовали ему письма из барской конторы, между тем как на письмах с Кубани значилось Усатому. Его отец, запорожец, после разгрома Сечи в 1775 г. Екатериной ушел на Кубань, где

обзавелся семейством и где вырос Петр Иванович, участвовавший в покорении Кавказа. С Кубани сюда он прибыл с женой и малолетней дочкой к Олсуфьеву, тоже участнику кавказских войн. Отец мой, новгородец с Белоозера, через год после службы в имении, женился на шестнадцатилетней дочери его Надежде Петровне.

Наша семья жила очень дружно. Отец и дед были взятые охотники и рыболовы, первые медвежатники на всю округу, в одиночку с рогатиной ходили на медведя. Дед чуть не саженого роста, сухой, жилистый, носил всегда свою черкесскую косматую папаху и никогда никаких шуб, кроме лисьей, домоткацкого сукна чамарки и грубой свитки, которая была так широка, что ей можно было покрыть лошадь с ногами и головой.

Моя бабушка, Прасковья Борисовна, и моя мать. Надежда Петровна, сидя по вечерам за работой, причем мама вышивала, а бабушка плела кружева, пели казачьи песни, а мама иногда читала вслух Пушкина и Лермонтова. Она и сама писала стихи. У нее была сафьянная тетрадка со стихами, которую после ее кончины так и не нашли, а при жизни она ее никому не показывала и читала только, когда мы были втроем. Может быть, она сожгла ее во время болезни? Я хорошо помню одно из стихотворений про звездочку, которая упала с неба и погибла на земле.

Дед мой любил слушать Пушкина и особенно Рылеева, тетрадка со стихами которого, тогда запрещенными, была у отца с семинарских времен. Отец тоже часто чи-